

Наутро Се Цзиньхуань проснулся под петушиный крик. За окном едва брезжил рассвет, и в воздухе, казалось, ещё висела предутренняя туманная дымка.

По привычке он протянул руку к тканевой полоске для волос, что лежала у изголовья. Однако подушечки пальцев нащупали что-то тёплое на ощупь и твёрдое.

Озадаченный, Се Цзиньхуань поднёс находку к глазам. Это оказалась деревянная заколка, отполированная до гладкости.

Тело заколки струилось плавной линией, а у хвостика несколько лаконичных, но сильных линий складывались в очертания облака. Выглядела она просто, но изящно, в руке почти ничего не весила и хранила особенное, живое тепло дерева.

Се Цзиньхуань изумился. Это... это откуда? Вчера вечером перед сном здесь точно ничего не было.

Неужели тётушка, видя, как ему неудобно подвязывать волосы тряпицей, специально разыскала для него заколку?

При этой мысли сердце его омыло теплом. Тётушка была к нему по-настоящему добра; она, совсем как его мама, во всём проявляла о нём заботу.

Он и вправду был безмерно рад, что судьба подарила ему встречу с такой душевной семьёй.

Се Цзиньхуань легонько провёл пальцами по гладкой заколке, и чем дольше он на неё смотрел, тем больше она ему нравилась. Пусть деревянная, не драгоценная, она грела ему сердце и дарила покой куда больше, чем холодное золото или серебро.

Он сел, опираясь на руки, повернулся к старому медному зеркальцу на шкафчике и попробовал уложить волосы при помощи новой заколки.

Пальцы его двигались проворно. Несколькими ловкими движениями он легко подхватил половину чёрных как смоль волос. Заколка скрепила пучок, и впрямь оказалось куда удобнее и опрятнее, чем с тряпичной лентой.

Он повертел головой туда-сюда перед мутной медью зеркала, уголки его губ сами собой поползли вверх, и бледные щёки окрасил лёгкий румянец.

В то утро Сюй Янь поднялся чуть свет.

Ему предстояло идти за свиньями в деревню Ванцзя, что лежала за несколько деревень отсюда. Путь был неблизкий, так что выходить следовало заранее.

Он умывался во дворе, но взгляд его то и дело сам тянулся к той самой комнате. И через полуоткрытое окно он как раз увидел, как маленький гэр укладывает волосы перед медным зеркальцем.

Тонкие, с проступающими суставами пальцы гэра скользили в прядях волос, проворно свивая узел, и он прочно закрепил пучок заколкой. На лице у него проступило застенчивое и довольное выражение улыбки.

Сюй Яня будто что-то с силой ударило в грудь. Небывалое, ни с чем не сравнимое чувство удовлетворения и скрытой, тайной радости захлестнуло его с головой.

Маленький гэр улыбался. Улыбался той самой заколке, что он сделал своими руками.

Он непроизвольно затаил дыхание, не сводя глаз с хрупкого силуэта в окне, и даже не заметил, когда краешки его собственных губ изогнулись в едва заметной улыбке.

— Хуань-гэр, проснулся? Ой, как славно ты сегодня волосы убрал!

Шэнь Сюмэй вошла в комнату и с первого взгляда заметила новенькую деревянную заколку у него на голове.

— До чего же хороша заколка! Отчего ж ты её раньше не надевал?

Се Цзиньхуань, чьё лицо хранило беззаботную улыбку, услышав этот вопрос, застыл. Улыбка его тут же угасла, и он поспешно спросил:

— Тётушка, разве это не вы положили её у моего изголовья?

Он был уверен, что это тётушка, сжавшись над ним, специально разыскала для него заколку, и уже собирался пойти благодарить её.

Услышав это, Шэнь Сюмэй на мгновение опешила, но быстро сообразила, в чём дело, и покосилась во двор.

Это дерево... эта работа...

Кто во всём доме, кроме её старшего сына, мог бы смастерить такое?

В душе она и рассмеялась, и вздохнула: «Неужто этот дубовый чурбан и вправду прозрел? И уже до тайных подарков додумался?»

Однако виду она не подала. В конце концов, мужчина не женат, гэр не замужем, помолвки между ними нет, и дурная слава о тайных подарках друг другу им ни к чему.

Пусть сердце матери и радовалось тому, что старший сын наконец-то проявил смекалку, она, как мать, не могла попустительствовать такому и пятнать репутацию чужого гэра.

— Да, — подхватила она, — я поглядела, что у тебя волосы густые, и заколкой будет и надёжнее, и удобнее. Вот и попросила Яньэра мимоходом выстругать тебе деревянную заколку. Никак не думала, что он так быстро управится, да ещё и прямо тебе в руки доставит.

Се Цзиньхуань с облегчением выдохнул, но в сердце у него зашевелилось иное, трудноописуемое чувство.

Хотя замысел принадлежал тётушке, сама заколка была делом рук старшего брата Сюя.

Неудивительно, что вчера он видел Сюй Яня в углу двора с ножом, обстригивающим какую-то деревяшку. Так, значит... значит, это он делал тогда?!

Жар прилил к щекам. Се Цзиньхуань с усилием удержался, чтобы не опустить глаза, и с благодарностью произнёс:

— Спасибо вам, тётушка. Заколка чудесная, она мне очень нравится.

Шэнь Сюмэй не стала распространяться.

— Нравится — вот и славно. Пойдём, завтракать пора.

С этими словами она помогла ему выйти за дверь.

Во дворе отец Сюй и Сюй Янь уже сидели на корточках с плошками в руках и ели жидкую кашу, заедая большими лепёшками.

Сюй Юй сидел за столом на крытой галерее и, завидя их, замахал рукой, подзывая есть вместе.

На завтрак были лепёшки, каша и тарелочка маринованной полосками редьки. Еда была простая, зато сытная.

Отец и старший брат Сюй, наскоро перекусив, выкатили со двора тележку и ушли. Се Цзиньхуань собрался было убрать посуду, но Сюй Юй заслонил его.

— Хуань-гэ, ты уж лучше посиди. У тебя нога ещё не зажила, вдруг, перебьёшь плошки.

Сюй Юй был на четыре года младше Се Цзиньхуаня, ему исполнилось пятнадцать. С того дня, как Се Цзиньхуань пришёл в себя, он звал его «Хуань-гэ».

Нравом Сюй Юй был живым и в общении сходилась легко. За эти дни они друг с другом попривыкли, так что Се Цзиньхуань не стал церемониться.

— Ладно, пока уступаю тебе. Вот поправится нога — больше не отнимай у меня работу!

Сюй Юй кивнул:

— Будь спокоен, не стану отнимать. Да кому ж охота перехватывать работу?

Однако едва он отнёс посуду к очагу, как Шэнь Сюмэй выпроводила его.

— С парой мисок и без тебя управлюсь! Иди-ка почитай книги!

Сюй Юй возразил:

— Да я эти несколько книжек столько раз перечитывал, что они у меня уже в печёнках сидят!

Шэнь Сюмэй повысила голос:

— Ишь, какой способный! А почему ж экзамен на сюця не сдал? Да и сдашь если — над тобой ещё целая толпа цзюйжэней будет!

— Цзюйжэнь? Мама, высокого же ты мнения о своём сыне! Я от силы, от силы...

Они как раз пикировались, когда из-за дворовой ограды донёсся пронзительный женский голос:

— Ай-яй, сестрица Сюй! Что это у вас во дворе за новый человечек? До того миловидный, глаз не оторвать! И белолицый, и чистенький, с виду вовсе незнакомый! Никак родственничек ваш?

Все трое вздрогнули от неожиданности и разом подняли головы.

Поверх ограды, что разделяла дворы, высунулась, стоя на табурете, Ян Цзиньхуа, мать Линь Шуя. Её глаза так и сверкали, она беззастенчиво и неотрывно разглядывала Се Цзиньхуаня, что стоял у входа в дом. Лицо её выражало неприкрытое любопытство и желание всё разузнать.

У Шэнь Сюмэй сердце ухнуло в пятки. «Вот беда, — мелькнуло в голове, — попалась на глаза этой болтливой трещотке!»

Она торопливо встала и на ходу бросила ответ:

— Ай, это ж дальний племянник мой! Дома беда приключилась, прибился к нам, а по дороге ещё и ногу повредил. Вот, сил набирается!

Сейчас главное было утихомирить соседку, не дать сплетням вспыхнуть пожаром на всю округу. Иначе пострадает не только репутация её сына, но и чистое имя ни в чём не повинного гэра.

Ян Цзиньхуа, всё так же торча над забором, протянула: «А-а-а...» — растягивая звук. Глаза её продолжали так и бегать по лицу Се Цзиньхуаня, и было ясно, что рассказам о «дальнем племяннике» она ни капли не верит.

— Так это твой племянник... До чего ж хорошенький! А как звать-то? Сговорён уже или нет?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/19685/1949396>